

А. Н. САВЧЕНКО

К ВОПРОСУ О ГЕНЕТИЧЕСКИХ СВЯЗЯХ БАЛТИЙСКИХ ЯЗЫКОВ С ДРУГИМИ ИНДОЕВРОПЕЙСКИМИ (ОДНА ИЗОГЛОССА)

Глубокие связи балтийских языков со славянскими до сих пор находят себе различные объяснения. С одной стороны, ряд исследователей (Т. Лер-Сплавинский, А. Вайян, Я. Отрембский, О. Семереньи, В. Георгиев и др.) продолжают отстаивать и развивать старую теорию балто-славянского праязыка; с другой, выдвинуто положение, что общность этих двух групп обусловлена не происхождением их от одного языка, а интенсивным взаимодействием двух языков, выделившихся независимо друг от друга из праиндоевропейского (А. Мейе, Х. Станг, Э. Френкель, С. Б. Бернштейн, А. Эрхарт, Ф. П. Филин, отчасти — Я. Эндзелин, Я. Сафаревич и др.)¹, причем Б. В. Горнунг даже полагает, что в праиндоевропейском языке протобалтийский (с вычетом протопрусского) и протославянский диалекты входили в разные диалектные зоны². В настоящее время нельзя еще решить этот вопрос окончательно ввиду слишком малой исследованности лексических связей между балтийскими и славянскими языками, но по мере продвижения дискуссии становится все более ясным, что одностороннее освещение балто-славянских языковых связей либо с одной, либо с другой точки зрения бесперспективно, что родственная связь между этими языками развивалась в сложном переплетении процессов дифференциации и интеграции, т.е. что она обусловлена как исконной близостью их, так и позднейшим взаимодействием.

Особую интерпретацию балто-славянских языковых связей выдвинул в последнее время В. К. Журавлев³. Он считает бесспорным, что существовала очень длительное время балто-славянская изоглоссная область, но можно ли считать ее балто-славянским праязыком, — зависит от того, удастся

¹ См. обзор В. Н. Топорова, Новейшие работы в области изучения балто-славянских языковых отношений, — ВСЯ III (1958) и S. Karaliūnas, Kai kurie baltų ir slavų kalbų seniausiąją santykių klausimai, — Baltų ir slavų kalbų ryšiai (LKK IX), Vilnius, 1968.

² Б. В. Горнунг, Из предыстории образования общеславянского языкового единства, Москва, 1963, 50.

³ В. К. Журавлев, К проблеме балто-славянских языковых отношений, — Baltistica IV (1968).

ли реконструировать такой праязык с соблюдением всех требований сравнительно-исторического метода, потому что праязык — это „научная фикция“, удобный аппарат исследования, не отражающий реального диалектного разнообразия изоглоссной области. В рассуждениях В. К. Журавлева есть много верного, но, все же, праязык — это не только „научная фикция“ и вопрос о нем — это вопрос не только о возможности реконструкции, но и о происхождении и характере изоглоссной области. Последняя могла иметь первоначально незначительные диалектные различия, не выходящие за пределы единой языковой системы, а в дальнейшем, по мере углубления диалектных расхождений, разделяться на отдельные языки. В этом случае правомерно говорить о балто-славянском праязыке. Но в изоглоссах этой области, при самом выделении ее из праиндоевропейского языкового единства, могли содержаться глубокие различия, не укладывающиеся в единую систему, а впоследствии, в результате тесных и многовековых контактов между носителями этих диалектов, различия могли сглаживаться и могли возникать новообразования, общие для всей области. В этом случае балто-славянские связи нужно объяснять не происхождением от одного языка, а взаимодействием языков.

Как показано в ряде работ, не все общие элементы в балтийских и славянских языках беспрепятственно возводятся к первоначальному единству и не все различия (особенно в лексике) можно объявить относительно поздними. К тому же связи балтийских и славянских языков с германскими различны. Исследование Н. С. Чемодановым лексических связей между балтийскими, славянскими и германскими языками показало, что балтийские языки имеют в лексике значительно больше общего с германскими, чем славянские⁴. Различны и словообразовательные связи балтийских и славянских языков с германскими. Так, числительные, аналогичные готским *ainlif* „одиннадцать“, *twalif* „двенадцать“, есть только в литовском: *vieniolika*, *dvylika*, а готские непереходные глаголы на *-nan* при переходных на *-jan* (напр., *fullnan* „наполняться“ — *fulljan* „наполнять“) находят себе полное соответствие только в славянских глагольных основах на *-nq-*, соотносящихся с основами на *-u-* (*sъхnqti* — *соушнти*). Из этого можно сделать вывод, что в эпоху взаимодействия протобалтийского и протославянского с протогерманским первые два были разными языками. Все эти факты делают маловероятным предположение о едином балто-славянском языке. Но вместе с тем в балтийских и славянских языках есть такие общие черты, восходящие еще к праиндоевропейской эпохе, присущие только этим языкам (инструменталь ед. ч. имен-

⁴ Сравнительная грамматика германских языков, I, Москва, 1962, 70–85.

ных основ на *-и* и на *-i* с окончанием **-mi*, как лит. *sūnūmī*, *avīmī*, слав. *сынѣмь*, *гостѣмь*, инструменталь ед. ч. *-ā*-основ на **-an*, как лит. *rankà*, слав. *рѣкѣ*, генетив ед. ч. *-o*-основ на **-ō*, как лит. *vīlko*, слав. *вѣлка*, основа косвенных падежей местоимения „я“ **men-/mon*, датив ед. ч. неличных местоимений муж. р. на **-mou/mi*- ст. -лит. *tāmūi*, слав. *томоу* и др.), или объединяющие их с языками восточной зоны (изменение *s* после *i*, *u*, *r*, *k*, локатив множ. ч. на **-su*, местоимение **mes* „мы“ при **ues* в других языках, основа косвенных падежей местоимения „ты“ и возвратного **teue/toue/tue*, **seue/soue/sue* и др.), которые свидетельствуют о тесной связи между соответствующими диалектами еще в составе праиндоевропейского языка и дают полное основание думать, что протобалтийский и протославянский, хотя и были разными диалектами, всегда принадлежали одной диалектной зоне праиндоевропейского.

В своих статьях последнего времени⁵ я указал на некоторые морфологические черты, связывающие протославянский и протобалтийский с восточным индоевропейским ареалом. Это сделано конспективно и нуждается в дальнейшем разъяснении и обосновании. Сейчас рассмотрим только важнейшую изоглоссу восточного ареала — систему форм медиа.

В древних индоевропейских языках есть две разных системы медиальных форм. В италийских и кельтских языках — система с одним рядом окончаний, среди которых выделяются окончания индоевропейского происхождения 2 лица ед. ч. **-se/so*, 3 лица ед. ч. **-to* и 3 лица множ. ч. **-nto*. Есть и дополнительный показатель медиа **-r*. Медиальная система с одним рядом окончаний есть и в хеттском языке, но здесь, кроме окончаний **-to*, **-nto*, есть и иные: 1 лица ед. ч. *-ha*, 2 лица ед. ч. *-ta*, восходящее к **-tha*, 3 лица ед. ч. *-a* (*esa-ri* „сидит“), существующее наряду с *-ta* из **-to* (*arta-ri* „стоит“). Есть также дополнительный показатель медиа *-ri* (или *-ti*, *-t*), который в презенте (за исключением 1 лица ед. ч.) иногда отсутствует. В индо-иранских языках и греческом система медиа основана на двух рядах окончаний — „первичных“ и „вторичных“ и полностью параллельна системе актива; дополнительного показателя нет. Окончания, восходящие к **-so*, **-to*, **-nto*, в этих языках выполняют функции „вторичных“, а „первичными“ являются в единственном числе **-ai* (скр. *-e*, греч. *-μαι*). **-sai* (скр. *-se*, греч. *-σαι*), **-tai* (скр. *-te*, греч. *-ται*) и в 3 лице множ. ч. **-ntai* (скр. *-nte*, греч. *-νται*). Окончания первых двух лиц множественного числа в реконструированном виде не разделяются на „первичные“ и „вторичные“, и мы оставляем их в стороне.

⁵ А. Савченко, Этапы развития грамматического строя праиндоевропейского языка, — ЛР XII—XIII (1968) 33—35; О генетической связи праславянского языка с прагерманским. — Типология и взаимодействие славянских и германских языков, Минск, 1969.

Как объяснить это? Прежде всего нужно обратить внимание на то, что хеттские окончания единственного числа имеют черты бóльшей древности. Соответствующие им окончания имеются и в некоторых других языках, но лишь в единичных, иногда они бывают только в отдельных категориях или даже — в отдельных глаголах и выпадают из общей системы, словом — имеют характер уцелевших остатков прежней системы. В большинстве случаев они вытесняются окончаниями **-so*, **-to*. Лучше других сохранилось окончание 2 лица ед. ч. **-tha* (или **-thā*), но и оно в греческом языке есть только в пассивном аористе в виде $\text{-}\theta\eta\sigma$, а в функции „вторичного“ медиального окончания вообще закрепилось $\text{-}\sigma\sigma$. В санскрите „вторичным“ окончанием медиа является $\text{-}thās$, но в авестийском — уже $\text{-}ša$ из **-so*. Окончание 3 лица ед. ч. $\text{-}a$ сохранилось только в единичных ведийских глаголах (*a-duha* „он доил“, *a-iça* „он управлял, владел“), в древнеирландском пассиве (*bera-r* „несется“, *cana-r* „поется“) и в венецком языке (только один пример $\text{-}tola-r$ „получил“). А окончание 3 лица множ. ч. **-nto* уже полностью вытеснило более старое, которое я предположительно реконструировал в виде $\text{-}r$ на основании скр. $\text{-}re$ (*çere* „лежат“, *duhre* „доят“), вед. $\text{-}ra$, $\text{-}ran$, авест. $\text{-}re$ (*soire* „лежат“) и италийско-кельтской безличной формы на $\text{-}r$ (умбр. *ier* „идут“, оск. *sacrafir* „пусть принесут в жертву“, брет. *ez consacrer* „тебя посвящают“)⁶. В самом хеттском окончание $\text{-}ta$ (из **-to*) распространялось за счет $\text{-}a$, а окончание $\text{-}nta$ (из **-nto*) уже было единственным показателем 3 лица множ. ч. Окончания **-ha*, **-tha*, **-a*, **-r* нельзя объяснить как новообразования, в то время как **-so*, **-to*, **-nto* являются апофоническими вариантами окончаний актива **-s*, **-t*, **-nt* и, как можно судить по некоторым пережиточным явлениям, первоначально не имели медиального значения⁷. Окончания медиа **-ha*, **-tha*, **-a*, **-r* могут иметь связь только с окончаниями перфекта **-ha*, **-tha*, **-e*, **-r*, но если эта связь есть, то она является столь же древней, как и сама категория медиа. Эти факты ведут к заключению, что первоначально медий выражался одним рядом окончаний, которые восстанавливаются более надежно в формах единственного числа в виде **-ha*, **-tha*, **-a* (во множественном числе они восстановлены предположительно в виде **-mes-dha*, **-dhum*, **-r*), но позже в этом ряду во 2 и 3 лица единственного числа стали распространяться **-so*, **-to* и в 3 лице множественного числа — **-nto*. Система же двух рядов окончаний медиа образовалась позже.

⁶ А. Савченко, Происхождение среднего залога в индоевропейском языке, Ростов-на-Дону, 1960, 68—69.

⁷ Там же, 63—68.

Поскольку медий (получивший значение пассива) с одним рядом окончаний имеется в итальянских и кельтских языках, а с двумя рядами — в индоиранских и греческом, напрашивается вывод, что в праиндоевропейском эта изоглосса разделяла диалекты на восточную и западную группы. Камнем преткновения в решении этого вопроса до недавнего времени был готский язык, в котором сохранились индоевропейские окончания медия (в значении пассива) в виде *-za*, *-da*, *-nda* (причем окончание *-da* имеет значение не только третьего лица ед. ч., но и первого, а *-nda* — всех трех лиц множественного числа). Эти окончания находят себе различные объяснения. Одни ученые⁸ возводят их к **-sai*, **-tai*, **-ntai*, утверждая, что в германском краткий дифтонг *ai* на конце слова утрачивал *i*, ссылаясь при этом на форму датива ед. ч. именных основ на **-o* (*daga*), окончание которой возводят к *-oi*. Другие⁹, исходя из формы номинатива множ. ч. прилагательных (*blindai*, *mikilai*), полагают, что краткий дифтонг *ai* на конце слова ничего не утрачивал, а окончания *-za*, *-da*, *-nda* происходят от **-so*, **-to*, **-nto* с удлинением конечной гласной. Нужно сказать, что мнение об утрате кратким дифтонгом *ai* на конце слова второго компонента не имеет под собой оснований. Форма датива ед. ч. основ на **-o* не доказывает этого, потому что ее окончание не может быть возведено к краткому дифтонгу. Греч. *-φ*, скр. *-āy-a* и др.-лат. *-ōi* свидетельствуют о том, что в праиндоевропейском соответствующая форма оканчивалась на **-ōi*, т.е. на долгий дифтонг, который на конце слова в германском не утрачивал *i*, доказательством чему является готская форма датива ед. ч. основ на **-ā* (*gibai*), а форма датива ед. ч. основ на **-o* с кратким дифтонгом на конце не реконструируется. В недавнее время вопрос о происхождении рассматриваемой германской формы удовлетворительно решен В. П. Мажюлисом, который доказал достаточно убедительно, главным образом — на балтийском материале, что в балто-славяно-германской диалектной области существовала форма датива ед.ч. тематических основ с долгим *ō* на конце¹⁰. Таким образом, предположение о существовании в прагерманс-

⁸ Э. Прокош, Сравнительная грамматика германских языков, Москва, 1954, 233; М. М. Гухман, Развитие залоговых противопоставлений в германских языках, Москва, 1964, 59—60.

⁹ А. Meillet, Remarques sur les désinences verbales de l'indoeuropéen, — Bulletin de la SLP XXIII (1922) 68; W. Petersen, The personal endings of the middle voice, — Language XII 3 (1936). Особой точки зрения К. Бругмана (IF XXXIX (1921) 51), ставившего окончания *-za*, *-da*, *-nda* в связь с санскритскими окончаниями 3 лица императива медия *-tām*, *-ntām*, я не разбираю ввиду ее явной необоснованности.

¹⁰ В. П. Мажюлис, К балтийскому и индоевропейскому дативу ед. ч., — Baltistica II (1966) и III (1967).

ком „первичных“ окончаний медиа **-sai*, **-tai*, **-ntai* отпадает. Единственным приемлемым остается мнение А. Мейе и У. Петерсена, что готские *-za*, *-da*, *-nda* восходят к **-so*, **-to*, **-nto* с удлинением гласной. Следовательно, в германских языках обнаруживаются „вторичные“ окончания медиа без каких-либо следов „первичных“, т.е. такое же положение, как в италийских и кельтских языках.

В балтийских и славянских языках, наоборот, есть следы „первичных“ окончаний медиа. Из балтийских языков они наиболее ясно представлены в прусском: *asmai* „есмь“, *assai*, *assei*, *essei* „еси“, *etskīsai* „поднимаешься“, *waissei* „знаешь“, *eisei* „идешь“. В литовских письменных памятниках есть соответствующее окончание только 1 лица (при наличии энклитики): *duomie-si* „даюсь“ (возвратная форма), *duomie-t* „даю тебе“. Окончание 1 лица ед. ч. *-mai* (лит. *-mie-*) идентично греческому — *μαι* и имеет, очевидно, то же происхождение, т.е. образовалось из праиндоевропейского **-ai* под влиянием соответствующего окончания актива **-mi*. То, что оно сохранилось в прусском в глаголе *es-* „быть“, который в индоевропейских языках не имеет медиа, не опровергает его медиального происхождения, потому что в процессе исчезновения медиа в прабалтийском окончании *-mai*, *-sai* должны были утратить свое медиальное значение. Поскольку же они закрепились в балтийском за нетематическими глаголами, то распространились и на глагол *es-*. В славянских языках индоевропейское медиальное окончание 1 лица ед. ч. **-ai* отражено в древнерусской форме *вѣдѣ* и 2 лица ед. ч. **-sai* — в соответствующей форме нетематических глаголов *вѣси*, *даси*.

Однако, поскольку имеются возражения против того, что прус. *-mai*, *-sai* и лит. *-mie-si* восходят к индоевропейским окончаниям медиа, нужно рассмотреть этот вопрос всесторонне.

Прежде всего нужно выяснить, есть ли вообще основания думать, что в балтийском и славянском существовал меди́й, или же эта категория исчезла в соответствующем индоевропейском ареале еще до выделения этих языков. Некоторые данные по этому вопросу можно извлечь из анализа значений балтийской и славянской возвратной формы глагола.

В литовском языке возвратная форма образуется путем прибавления к глаголу частицы *-si-*, которая, по-видимому, происходит от существовавшей в дописьменные времена энклитической формы датива возвратного местоимения. В латышском эта частица сократилась в *-s*. В прусском показателем возвратной формы является обычно *-sin* (иногда — и *-si*), которое,

по-видимому, восходит к аккузативу возвратного местоимения *sien*¹¹. Но значение балтийской возвратной формы нельзя вывести ни из значения датива, ни из аккузатива возвратного местоимения. В литовском и латышском есть одно значение, соответствующее значению датива возвратного местоимения, — это действие, совершаемое субъектом в свою пользу (напр., лит. *pasistatýti, nusipírkti*, лат. *popirkties* „купить себе“, *iegādāties* „приобрести себе“), но оно не является основным. А. Якулене даже полагает, что оно возникло позже других¹², однако для этого нет оснований. А. Якулене исходит из того, что действие, совершаемое субъектом для себя, не обязательно выражается возвратным глаголом, иногда оно бывает выражено и невозвратной формой, также из того, что возвратная форма с дативным значением в большинстве образуется от префиксальных глаголов, а от беспрефиксных — редко, но все это не имеет никакого отношения к хронологии данного значения. Тот факт, что показателем возвратной формы стал датив местоимения, свидетельствует о том, что дативное значение было изначальным. Однако с самого начала рядом с ним появились и другие. В литовском и латышском есть значение действия, совершаемого субъектом над самим собой, т.е. собственно возвратное (лит. *apsireñgti, valýtis*, лат. *gērbties* „одеваться“, *mazgāties* „мыться“), которое связано с аккузативом местоимения, но оно ограничено очень немногими глаголами. Основным же значением возвратной формы в литовском, как показала в своей статье А. Якулене, является значение непереходное (*kéltis, sùktis, ródytis, mēstis, tiēstis, mókýtis* и т.п.). Оно широко распространено и в латышском языке. Только в этом значении употребляется возвратная форма в прусских памятниках¹³. А оно не имеет связи ни с дативом, ни с аккузативом возвратного местоимения. Не связано с ними и взаимное значение, которое также представлено в литовских и латышских возвратных глаголах (лит. *káutis, susitíkti*, лат. *kauties, satíkties*). Совершенно не мотивировано возвратное местоимение в литовских и латышских *reflexiva tantum* (лит. *viltis, juóktis*, лат. *bīties, smieties*).

Подобное положение и в славянских языках. И здесь возвратная форма образована при помощи возвратного местоимения в аккузативе - *са*, или в дативе - *си*. Преобладание получил аккузатив. Датив *си* в старославянских и древнерусских письменных памятниках прибавлялся к глаголам эмо-

¹¹ См. J. Endzelīns, *Senprūšu valoda*, Rīgā, 1943, 86—88, также *Baltu valodu skaņas un formas*, Rīgā, 1948, 162; Ch. Stang, *Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen*, Oslo, 1966, 248, 254.

¹² А. Jakulienė, *Apie lietuvių kalbos sangražinių veiksmažodžių funkcijas*, — *Baltistica* III (1967) 199—200.

¹³ А. Jakulienė, *Prūsų kalbos sangražiniai veiksmažodžiai*, — *Baltistica* V (1969).

ционального состояния (*сѣжалиши си, сѣтажи си, мьнитъ си, печалити си* и др.), а в настоящее время распространен (без каких-либо лексических ограничений) во многих русских говорах, как северных, так и южных¹⁴, в западных говорах украинского языка, в чешском и словацком языках, в болгарском, в кайкавских говорах сербохорватского и в словенском языке¹⁵. Но значение возвратной формы только в немногих глаголах вытекает из значения аккузатива возвратного местоимения (собственно возвратное значение: *одеваться, чиститься* и т.п.), а в остальных случаях значения, в основном, те же, что и в балтийских языках (непереходное, взаимное и др.), кроме того, есть еще страдательное, т.е. значения, не связанные с возвратным местоимением. Дативное значение явно не представлено, но факт выражения возвратности формой датива *си* свидетельствует о том, что в прошлом такое значение существовало. Его можно предполагать в основе такого значения, как *стучится, просится, плачется*, а также безличного употребления возвратной формы (*ему хочется, спится, нездоровится*). Есть и *reflexiva tantum*, не имеющие смысловой связи с возвратным местоимением (*бояться, смеяться, надеяться* и др.). Откуда взялись эти значения?

Решить этот вопрос можно только при учете того факта, что все эти значения имел индоевропейский медий. Особенно важно указание Б. Гавранка на то, что два балтийских и славянских *reflexiva tantum* прямо соответствуют индоевропейским *media tantum*: лат. *bīties*, слав. *бояти ся* — скр. *bhayate*, лат. *smieties*, ст.-сл. *смьяти ся* — скр. *smayate*¹⁶. Единственно вероятным является предположение, что в период возникновения возвратной формы в балтийском и славянском существовал еще медий; возвратная форма постепенно вытеснила медий, но приняла на себя все его значения.

Если же в балтийском и славянском существовал когда-то медий, то могли сохраниться и какие-то пережитки его окончаний. В славянском бесспорным пережитком медия является окончание формы *въдъ*. В балтийской области совпадают с индоевропейскими медиальными окончаниями прус. *-mai*, *-sai*, лит. *-mie-*. Однако в последнее время некоторые балтисты почему-то стали отрицать связь этих окончаний с медием и искать других объяснений происхождения их.

И. Казлаускас обратил внимание на то, что в прусском окончание *-mai* есть также в I лице множественного числа, и высказал мнение, что именно

¹⁴ См. С. П. Обнорский, Очерки по морфологии русского глагола, Москва, 1953, 70 и след.

¹⁵ См. Б. Гавранек, Залог в старославянском языке в сравнительном плане, — Исследования по синтаксису старославянского языка, Прага, 1963, 29—34.

¹⁶ Б. Гавранек, там же, 61.

из формы множественного числа оно перешло в единственное. Причину этого он видит в том, что совпадение в балтийском форм единственного и множественного числа в третьем лице ослабило противопоставление числовых форм и в других лицах. Окончание же *-mai* в I лице множ. ч. возникло, по его мнению, из постулируемого им окончания *-ta* в результате контаминации с окончанием I лица ед. ч. *-mi*¹⁷. Предположение, что окончание множественного числа *-mai* возникло таким образом, возможно, но то, что оно из множественного числа перешло в соответствующую форму единственного, вероятно, потому что в балтийских языках в области третьего лица именно форма единственного числа распространилась на множественное, и во всех примерах на взаимодействие форм единственного и множественного числа в области как глагола, так и существительного, взятых И. Казлаускасом из литовских говоров¹⁸, форма единственного числа переходит на множественное, а не наоборот, да и вообще в индоевропейских языках сильным членом оппозиции по числу являются формы единственного числа. Нужно также учесть, что окончание I лица ед. ч. нетематического спряжения встречается в прусских письменных памятниках не только в виде *-mai*, но и в виде *-mu* (*asmu*). Как установил В. П. Шмид¹⁹, в этих написаниях отражается переход *ai* на конце слова в *u* в некоторых прусских говорах. Но окончание I лица множ. ч. *-mai* не переходило в *-mu*, и это говорит о том, что оно является более поздним, чем соответствующее окончание единственного числа.

В. П. Шмид также считает окончание *-mai* прусским новообразованием, но объясняет его иначе. По его мнению, *-mai* образовалось из окончания нетематических глаголов *-mi* под влиянием, с одной стороны, соответствующего окончания тематических глаголов *-ā* (из индоевр. **-ō*) и, с другой стороны, окончания 2 лица ед. ч. нетематических глаголов *-sei*. Окончание 2 лица ед. ч. *-sai* образовалось, с его точки зрения, из *-sei*, а последнее — из *-si* (нетематического спряжения) под влиянием окончания 2 лица ед. ч. *-ei* (тематического спряжения)²⁰. Эта гипотеза малоубедительна тем, что она предполагает большое количество изменений по аналогии и не лишена натяжек. Согласно ей, сначала нетематическое окончание 1 лица *-mi* по аналогии к тематическому *-ā* изменилось в *-ma*, а нетематическое окончание 2 лица *-si* по аналогии к тематическому *-ei* — в *-sei*, потом *-ma* по аналогии к *-sei* изменилось в *-mai*, а после этого *-sei* по аналогии к *-mai* перешло в *-sai*. Не

¹⁷ J. Kazlauskas, *Lietuvių kalbos istorinė gramatika*, Vilnius, 1968, 294, 295.

¹⁸ Там же, 295.

¹⁹ W. P. Schmid, *Baltische Beiträge*, IV, — IF LXXIII 3 (1968) 360.

²⁰ Там же, 359.

все здесь правдоподобно. Если бы окончание *-ma* изменялось по аналогии к *-sei*, то получилось бы, по всей вероятности, *-mei*. А *-mai*, вероятнее всего, могло получиться под влиянием *-sai*. Окончание же *-sai* вполне могло быть унаследовано от индоевропейского медия прабалтийским, как и соответствующее ему *-si* — праславянским. И окончание *-mai* с большей вероятностью могло возникнуть через контаминацию *-mi* с медиальным *-ai*, чем *-mi* с *-ā*. Такая контаминация (*-mi* с *-ai*) произошла и в греческом, и в западнотохарском, и вполне естественно могла произойти в балтийском. Медиальное окончание **-ai*, засвидетельствованное в славянском (*вбдб*), вполне вероятно и в прабалтийском. Таким образом, более вероятным оказывается предположение Я. Эндзелина, что окончание *-mai* есть результат контаминации *-mi* с окончанием **-ai*²¹. Это произошло еще в прабалтийском, как видно из сравнения прус. *-mai* и лит. *-mie-*.

На основании этих данных можно заключить, что в прабалтийском и праславянском на начальном этапе их самостоятельного развития существовал еще медий и обозначался он „первичными“ окончаниями. Но в индоевропейских языках „первичные“ медиальные окончания существуют только в противопоставлении „вторичным“, и это дает основание думать, что в прабалтийском и праславянском медий имел два ряда окончаний. Окончание *-mai*, как выше упомянуто, есть и в западнотохарском, где оно получило значение прошедшего времени. Согласно исследованию В. Георгиева, тохарские языки наиболее близки к балтийским и славянским²². Таким образом можно сделать вывод, что система двух рядов окончаний медия развилась только в восточной части индоевропейских диалектов и что к этой части принадлежали вместе с другими протобалтийский и протославянский.

Поскольку данное диалектное различие состояло не в единичной форме, а в целой системе форм, оно было весьма значительным. По-видимому, это была важная изоглосса между этими зонами. Важным различием между ними было также то, что в восточной зоне, в отличие от западной, существовала особая форма множественного числа локатива (с окончанием **-su*). Эти особенности говорят о том, что в восточном и западном ареалах праиндоевропейского складывались различные грамматические системы.

Изложенными соображениями несколько не опровергается тесная связь прабалтийского и праславянского с прагерманским, но эта связь уже явно не обусловлена исконным языковым единством, а, как я уже писал²³, является результатом длительных и интенсивных языковых контактов.

²¹ J. Endzelins, *Baltu valodu skaņas un formas*, 176.

²² В. И. Георгиев, *Балто-славянский и тохарский языки*, — ВЯ 1958 6.

²³ Типология и взаимодействие славянских и германских языков, Минск, 1969, 45—48.